

Айменов А.Ж.

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

A.Zh. Aimenov

CRIME AS A SOCIAL AND LEGAL PHENOMENON

УДК 328; 342.5

В статье рассматриваются преступность как социально-правовое явление.

The article considers the crime as a social and legal phenomenon.

По мнению большинства юристов и социологов, преступление - оценочное явление, т. е. единство факта и его признания противозаконным уголовно-правовой нормой. Самое точное и наименее двусмысленное определение преступления, - писали, например, И. Майкл и М. Адлер в работе "Преступление, право и общественная наука", - это то, согласно которому преступным признается поведение, запрещенное уголовным кодексом. Юридическое определение преступления является не только точным и недвусмысленным, но также и единственно возможным определением.

Попытки объяснить с этой точки зрения возникновение преступления приводит к выводу, что его зарождение и становление проходят три главных стадии: 1) совершение некоторого поведенческого акта, 2) его юридическая оценка законодателем, 3) издание правовой нормы, объявляющей и официально признающей этот поведенческий акт преступным, т. е. запрещенным под угрозой уголовного наказания. Если есть деяние и есть уголовный закон, его запрещающий, значит есть и преступление. Если нет деяния и запрещающего его закона, то преступления нет и быть не может. И поскольку в современных условиях только суд может официально установить, что именно данное конкретное деяние, совершенное тем-то, там-то, тогда-то, запрещено именно данной абстрактной нормой уголовного права, поскольку тот, кто стоит на рассматриваемой позиции, должен заключить: совершенное деяние становится преступлением после признания и объявления его таковым вступившим в законную силу приговором суда. Так и поступают, в частности, уже цитировавшиеся американские социологи И. Майкл и М. Адлер, когда пишут, что "наиболее верным способом... проведения различия между преступниками и не преступниками является разделение на тех, кто был осужден за преступление, и тех, кто осужден не был... В целях как практических, так и теоретических мы должны действовать так, как если бы это было верно". Будучи последовательными, они полагают, что и объектом научного исследования "являются лица, осужденные за совершенные преступления". Но отсюда только один шаг до утверждения, что и преступление, и преступность порождаются... уголовным законом.

Как это ни парадоксально, на Западе подобные

взгляды весьма распространены, хотя, быть может, и не являются господствующими. С точки зрения многих социологов и криминологов, преступление, а следовательно, и преступность порождаются обществом (социальной группой), когда оно создает такие нормы, нарушение которых оценивается как отклонение ("девиантность"). (1).

Нарушители принятых норм подвергаются осуждению, остракизму, наказанию и т. п. При таких условиях отклоняющее поведение выступает не как объективное свойство поступка человека, нарушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, которые собственно и превращают его в "преступника", "правонарушителя", "аморальную личность" и т.д. Общественная реакция делает человека, совершившего отклоняющийся от норм поступок, отверженным и объявляет его таковым. Отсюда иназвание излагаемой концепции - теория стигматизации (от слова "стигма", означавшее у древних греков клеймо, которое выжигалось в знак того, что заклепанный - преступник, беглый раб или раб, закрепленный за храмом для его обслуживания).

Для теории права не имеет большого значения различие факта осуждения по субъекту оценки. Производится ли она официально судебным органом или неофициально - непосредственно социальной группой, в том и другом случае речь идет о том, что причина признания лица правонарушителем - оценка его деяния в качестве противоправного и преступного. Однако для определения роли общественного мнения о праве в этом процессе такое различие весьма существенно. В первом случае, когда субъектом оценки выступает суд, определяющий на основе изданной государством юридической нормы, что является преступным, а что таковым не является, общественное мнение об этом существенного значения не имеет и, следовательно, на рост или снижение преступности не влияет. Во втором случае, напротив, именно общественное мнение получает возможность и активно влиять на создание коллективных норм, и клеймить, превращая человека, слывшего доселе законопослушным гражданином, в преступника. Таким образом, по этой теории общественное мнение о праве становится причиной преступности или во всяком случае весьма важным криминальным фактором.

Концепция стигмы частично находит свое эмпирическое обоснование в фактах, которые были установлены еще в 30-е годы и которые свидетельствовали, что ранняя реакция суда на поступки несовершеннолетних крайне нежелательна. В этих

случаях общество "драматизирует зло" и, применяя к несовершеннолетнему санкции, делает его носителем стигмы, запятанным. Окружающие начинают ждать от него новых нарушений социальных норм и вести себя по отношению к нему соответствующим образом, и запятанному человеку не остается ничего другого, как удовлетворить ожидания по известной формуле социальной психологии: "Если люди считают эту ситуацию реальной, она и становится таковой".

Более глубокие теоретические корни рассматриваемой концепции можно увидеть в теории социального действия М. Вебера и особенно Т. Парсонса. (2). С точки зрения Т. Парсонса, общество - результат взаимодействия людей, коллектив которых для поддержания своего равновесия ("гомеостаза") со средой устанавливает, в частности, нормы поведения и ожидает, что люди будут им неуклонно следовать. В случае, если эти ожидания ("экспектации") не оправдываются, наступают санкции - новый вид взаимодействия (interaction), одной из форм которого является общественное мнение о праве. Поэтому теорию стигматизации называют еще интеракционистским подходом.

Такие попытки объяснить причины преступления уже были. Еще сторонники школы естественного права подразделяли поступки людей на преступные (противоправные) "по самой природе", сами по себе (malainse), к которым они относили убийство, тяжкое телесное повреждение, изнасилование и т.д., и поступки, преступные в силу их запрещения законом (malaprohibita) (Гуго Гроций, Джон Локк, Жан-Жак Руссо и др.). Однако особенно актуальными стали подобные методы изучения нарушений норм права в последние годы в связи с распространением так называемого аксиологического (оценочного) подхода к исследованию социальных явлений. В отечественной юридической литературе аксиологический подход представлен работами о праве как о ценности, и ценности и оценки в уголовном праве и возможностях использования методов аксиологии при построении уголовно-правовых санкций.

Недостатки теории о порождающей роли юридической оценки по отношению преступления и преступности налицо. Признание деяния преступным лишь в силу его запрещения уголовным законом означает, что авторы этого тезиса явно или неявно отрицают социальную обусловленность посягательства на общественный порядок и объективное существование преступного вне и независимо от всякого сознания, в том числе и от сознания и воли законодателя, общественного мнения и т. д. Такое отрицание создает иллюзию, будто социальный строй в состоянии ликвидировать или во всяком случае существенно сократить число правонарушений, не затрагивая социально-экономических основ общества. Для этого достаточно усовершенствовать уголовное законодательство, содержа-

ние которого, с точки зрения рассматриваемой концепции, не задано основным производственным отношением, а определено волеизъявлением государства, или изменить общественное мнение. Поступок индивида является преступным не потому, что он посягает на господствующий порядок общественных отношений, может причинить им вред и, стало быть, социально опасен, а потому, что официально провозглашается таковым или осуждается коллективным мнением людей. В отдельном случае это приводит примата права над преступлением и к утверждению, что уголовный закон первичен по отношению к противоправному деянию.

Неслучайно неудачей окончились все попытки дать последовательное объяснение причин нарушения уголовно-правовых норм, опираясь на положение об оценочной природе преступления. Этой теории не удается даже четко очертить предмет своего исследования, ибо оказывается, что разработанным на ее основе теоретическим определением в реальной действительности соответствует весьма неясный круг лиц. Если считать, что преступник - только тот, кто признан таковым вступившим в законную силу приговором суда, то, во-первых, вне поля зрения исследователя останутся все те, кто, совершив преступления к уголовной ответственности официально не привлекался. Однако есть основания полагать, что число нераскрытых и потому не заклеяемых лиц, чьи деяния образуют так называемую латентную преступность, в обществе достаточно велико и пренебрегать им в процессе эмпирических обобщений нельзя без того, чтобы не лишить теоретические выводы необходимой обоснованности. Так по данным социологического исследования (3), проведенного в Нью-Йорке, из 1698 опрошенных лиц обоего пола 89% совершили один или несколько уголовно наказуемых поступков. Это дает основание социологам Запада для мрачных выводов о том, что преступное поведение широко распространено среди всего населения и что по существу преступники все, хотя большинству из них удастся ускользнуть от стигмы. Во-вторых, в предмет, напротив, попадают люди, ошибочно привлечавшийся к уголовной ответственности, т.е. те, кто интересовать исследователя не должен. Естественно, что делать какие-либо теоретические выводы и даже простые эмпирические обобщения на основании изучения столь расплывчатого предмета исследования невозможно. Их надежность будет невелика.

Но даже если предположить, что предмет изучения определен здесь достаточно четко, то и тогда исследование может в лучшем случае дать лишь более или менее адекватное эмпирическое описание свойств преступников, их типов т. д. Между тем причины нарушений людьми уголовно-правовых запретов имеют общественную природу, и изучению, следовательно, подлежат в первую очередь общественные отношения, в которых живут

и действуют люди. С точки зрения социологии, прежде чем исследовать отклонение от нормы, надо исследовать само "нормальное" поведение, и притом не само по себе, а в исторически конкретных социальных условиях. Ведь как раз влияние этих социальных условий деформирует нормальное поведение, приводя к разного рода отклонениям, в том числе и к преступным. Нельзя забывать, что социально обусловлены не только право, но и посягательство на него.

Однако особенно явственными недостатки интеракционистского подхода, или концепции стигмы, становятся тогда, когда его пытаются применить в практической деятельности правоохранительных органов. С одной стороны, признание примата права над преступлением дает возможность успешно защищаться тем, кто, будучи очевидным преступником, судом таковым не назван.

С другой стороны, тем, на кого судом или общественным мнением уже был наклеен ярлык-стигма преступника, весьма затруднительно оказывается избавиться даже после того, как он снова стал честным гражданином. Стигматизация меняет статус человека в обществе, и, чтобы вернуть свое прежнее социальное положение, он должен преодолеть многочисленные препятствия, которые большинству оказываются не по силам. Естественно поэтому, что с этой точки зрения тюремное заключение оценивается как вредное и как способствующее росту преступности", и, как утверждают социальные психологи, сам человек, попав в разряд отверженных, начинает отождествлять себя с заклейменным, правонарушителем, преступником, у которого "на роду написано" стать именно им. Отсюда закономерен парадоксальный вывод о том, что система социального контроля и, в частности, правоохранительные органы своей активностью сами вызывают рост преступности, особенно рецидивной.

Для социолога методологическая несостоятельность тезиса о порождении преступления уголовным правом, общественным мнением или иным субъективным фактором очевидна. С другой точки зрения мы сталкиваемся здесь с релятивистским, субъективным, а стало быть, в конечном счете идеалистическим подходом к решению сложной проблемы.

Представляют интерес данные, собранные П.Сорокиным (4) и Н.Тимашевым путем сравнительного анализа поступков, считавшихся с точки зрения общественного мнения преступными и квалифицировавшихся в качестве таковых уголовным правом Франции, Германии, Австрии, Италии и России, начиная с варварских "Правд" и кончая законодательством первой трети XX века.

В результате своих исследований эти социологи выделили семь групп преступлений. Так называемые абсолютные виды преступления (встречаются во всех или почти во всех законодательных системах); к числу которых относится; убийство, телесное повреждение, побои и насилие, изгнание плода,

оскорбление, клевета, грабеж, кража, разбой, бандитизм, повреждение имущества, мошенничество, изнасилование, подделка денежных знаков, ложный донос, посягательство на высшие органы государственной власти.

Виды преступлений, тяготеющие к абсолютным (отсутствующие не более, чем в трех законодательных системах), лишение свободы передвижения, нарушение неприкосновенности жилища (умышленное вторжение в чужое жилище), присвоение находки или вверенного имущества, перемещение межевых знаков, повреждение имущества, святотатство, похищение женщины с ее согласия, многобрачие, нарушение супружеской верности, похищение женщины против ее воли, лжесвидетельство.

Распространенные виды преступлений (деяния, объявленные преступлениями в средние века и с тех пор включаемые во все кодексы); оставление в опасности, угроза, вымогательство, покупка краденного, плагиат, похищение, либо подмена ребенка, сводничество, подделка документов, посягательство на конституцию, противодействие правительству либо узурпация его власти, освобождение заключенных.

Виды преступлений, близкие к распространённым (отсутствующие не более, чем в трех законодательных системах - кодексах), злоупотребление вверенным имуществом, злоупотребление слабостью, неопытностью, легкомыслием, развратные действия в отношении несовершеннолетней, соращение, развратные действия в отношении зависимых лиц, незаконное изъятие либо уничтожение документов, азартные игры, учинение беспорядков, принадлежность к запрещенному сообществу, недонесение о задуманном преступлении.

Виды преступлений, включенные в кодексы в Новое время(деяния, не считавшиеся преступными до некоторого времени) поставленное в опасность заражения венерической болезнью, принуждение (нарушение свободы выбора посредством насилия или угрозы насилием), незаконное разглашение тайны, шантаж, принуждение к совершению развратных действийэксплуатация проституции, посягательство на существующий общественный строй, воспрепятствование осуществлению избирательного права посредством насилия, фальсификация результатов выборов.

Виды деяний, которые перестали считаться преступными в Средневековье или Новое время; самоубийство, атеизм, ересь, раскол, переход в другую веру, колдовство, неисполнение религиозных обрядов, тайный брак, ношение несоответствующей одежды, курение табака.

Виды деяний, время от времени объявляемые преступными; обращение в рабство, незаконное медицинское воздействие, нарушение тайны переписки, богохульство, осквернение трупа, кровосмешение, прелюбодеяние, публичное совершение непристойных действий, нарушение свободы торговли,

забастовка, локаут, незаконное распоряжение жилой площадью и т.д.

Литература

1. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 2006.
2. Влияние социальных условий на преступность. Москва, 2000 (Науч.Сб.)
3. Гишинский Д.И. Теоретические проблемы социологического исследования преступности и иных антиобщественных явлений. Ленинград, 2003.
4. Долгова А. И. Взаимодействие и причинность в системе научно-детерминистического подхода к изучению преступности. Москва, 2001.
5. Долгова А.И. Изучение взаимосвязи социальной среды и преступность. В сб. Социальная среда и преступность. Москва, 2007.
6. Дюркгейм Э. Метод социологии, 1899.
7. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Краснодар, 2008.
8. Ефремова Г.Х. Особенности правосознания молодых нарушителей. Москва, 2009.
9. Кудрявцев В.Н. Исследовательские проблема – социальные отклонения, Соц.ис. 2003.
10. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность, Москва, 2010.

Рецензент: д.п.н. Жусупбеков А.Ж.
